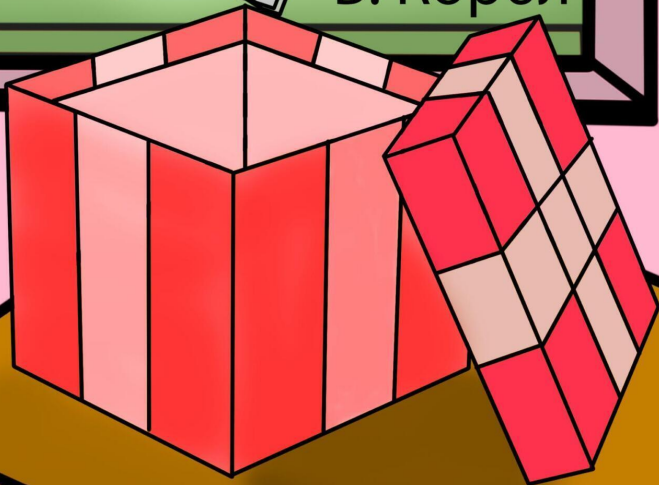

День Рождения

В. Корбл

В. Корбл

День Рождения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70220572

SelfPub; 2024

Аннотация

Рассказ об одном из лучших Дней Рождения Ханны Хофман, об её шестнадцатилетии. Ханна распланировала этот день и хотела его провести с единственным дорогим себе человеком, но планы пришлось корректировать.

В. Корбл

День Рождения

Двадцать третье июня, что для вас значит этот день?

Интересный праздник – День Рождения, один из немногих личных и при этом общепризнанных праздничных дней. Всякие другие: Новый Год, Рождество, Годовщины Свадьбы, Смерти, профессиональные праздники... все они относятся к группе людей и только День Рождения можно назвать **ЛИЧНЫМ** праздником.

Недавно, я со своей новой мамой, впервые, праздновали её День Рождения. Ханна всегда себя ведёт странно, но в этот день её поведение обострилось, как у оборотня на полную луну, хотя началось всё раньше: за неделю. Я чувствовала, что ей есть что мне сказать, но она не может; то и дело заводила разговор и прерывала его, вот я и решила надавить:

У Ханны, есть особый ритуал, вернее два, каждую свою круглую или красивую дату (16, 18, 20 лет) она празднует в кругу близких знакомых, обычно им выступает один человек, её друг, Риди, в эти дни она покупает что-то на стол и, всегда, приходит к нему в гости, там они и проводят её ушедший год жизни.

Второй же ритуал, предназначен для всех остальных дат, когда она: “– Хочу побыть на едине и подумать”. Каким и был её Двадцать третий День Рождения. Она с самого утра

идёт, закупуается Виски и Тоником, запирается у себя в кабинете и делает последние записи в дневнике, перед тем как сменить его на новый. Закончив, она откупоривает бутылку и, сменяя поочерёдно выше названные напитки, перечитывает свои старые записи.

“– Ты, Карри, ещё маленькая чтобы осознать суть человеческой жизни. Жизнь, это нелинейное развитие и изменение человека, с постоянно сменяющимися личностями. Я в свои 10 лет, в свои 11, когда я начала вести дневники, в свои 12, 13, 14 лет – это совсем разные люди, с 14 по 16 я замедлилась в своей эволюции, а с 18, до встречи с Уильямом попросту остановилась. Лишь с ним, Чарли, Мерри и тобой моя жизнь закрутила это колесо героя снова. – Рассказывала она мне. – И читая записи прошлых своих итераций, прошлых личностей, реинкарнаций, как хочешь так и называй, я вижу то, что привело меня, ко мне настоящей. Знаешь, что такое фрустрация? Это когда ты ставишь себе цели и не исполнив их загоняешь себя в тоску и ненависть к себе. Каждый год, я ставлю перед собой, кажется реальные цели, обычно их около 10, и каждый год, за неделю до дня рождения, я перечитываю их и загоняю себя в эту Фрустрацию.”

До того, как я узнала про её ритуалы, мне думалось, что мы сходим с ней в ресторан, в парк, будем там гулять, думала что под конец дня мы с ней сядем за стол, может она мне что-то нальёт, из взрослых напитков, и мы с ней долго будем сидеть и разговаривать о разном, думала, что в основном о

родителях... но увиделась я с ней уже после заката, казалось, что я была одна дома, она не выходила из кабинета вообще, а приложив ухо к двери я не слышала ни звука. Так и думала, что проведу весь этот день в одиночестве, но увидев её я поняла, что разговор у нас состоится:

“– Как думаешь, все люди ненавидят свою жизнь? – Она явно не ждала ответ. – Я всегда твердила, что у жизни нет смысла и что его нужно найти и мой оказался в отшельничестве и убивании себя ради науки. С появлением Уильяма я думала, что вот, человек с которым мне хорошо, у него прекрасная дочь, которую я люблю больше всего на свете, но и тут не срослось и судьба оставила нас с тобой вдвоём. Я ненавижу не свою жизнь сейчас, я ненавижу свою историю, ненавижу историю печального человека с Трикстером на плече... Знаешь, когда я была живой? Когда, перечитывая свои дневники я была искренне счастливой? В свои 15-16 лет, пик моего бунтарства, я считала себя самым несчастным человеком в мире, убила всё человечество, прозвав их заложниками общества и общественных норм, я была одной во всём мире, а Риди, тогда казался мне компромиссом, как родители, которых ты любишь не за их качества, а потому что они твои родители, принимаешь их такими какими они есть. Вот он и стал мне старшим братом в семье без отца. Он был таким же мертвецом как и все остальные, но он понимал меня и не осуждал, при этом считая своим долгом останавливать меня, когда подростковый бунт заносил меня слишком далеко.

Мы с ним конфликтовали, куда без этого, тогда я ненавидела всех ещё больше чем сейчас, чего только стоят мои выходки в школьных сочинениях. – Она впервые за долгое время искренне улыбнулась. Не улыбка смеха, а именно улыбка чистого счастья промелькнула у неё на лице лишь на секунду, осветив комнату положительными эмоциям. Наверное даже растения в тот момент сменили свою ориентацию не на солнечные лучи, а на свою хозяйку, регулярно забывающую про их полив. – И, читая дневники человека, явно ненавидящего свою жизнь и желающего её как можно быстрее закончить... – Она в тот момент отвлеклась на воспоминание. – Я знала парня, и он был в похожей ситуации, я тогда жутко ему нахамила, накричала... впрочем это было для меня нормой. Потом перед ним извинилась, он был писателем, жаль забросил это дело. Он не видел смысл ни в чём, кроме творчества, кроме писательства и жил ради него. Он нашёл смысл своей жизни, а я, тогда, приняла его отсутствие. Не хотела давать номинальность. И полностью пропитанная ужасом и тленом, ненавистью к себе и всему окружающему девочка – самая счастливая версия меня, ведь она знала смысл своей жизни – бунт против общества. Всего чего она хотела – уничтожить общество и построить мир без него. Сочинения Коула смогли уничтожить понятие «государство», а я не смогу уничтожить понятие «общество»? Думала я. Во мне жила жизнь, во мне зияла душа, она раскрывалась во всей её красе. Но всё потухло ещё до того, как я начала жить одна.”

После, она мне рассказала эту историю:

Ханна распланировала свой грядущий день, день её шестнадцатилетия. Засыпая она завела будильник, укрыла себя одеялом, а уши заткнула наушниками, во избежание нежелательных звуков от своих соседок.

Очнувшись на час раньше обычного вторника Ханна первой заняла ванну, приняла на себя все необходимые ритуалы и схватилась за краску. Её тёмно-рыжие волосы, выбивающиеся во все стороны из миниатюрного каре, насытились на пару тонов, до моего огненного ещё было далеко, но посмотрев на себя в зеркало ей увиделась уже совсем другая девушка, возраст её сильно убавился, а вечно перевёрнутая улыбка, с нотками нарциссизма уже не смотрелась так высокомерно.

Высушившись, причесавшись и немного растрепав причёску – она любила выглядеть небрежно и неопрятно – пошла на выход. С собой она захватила только то что было в карманах и дневник с ручкой.

В считанные секунды она умудрилась покинуть своё место жительства и даже без лишнего шума.

Не повезло бы тому, кто поздравил бы её. Он явно получил бы обратно не кокетливое «спасибо», а едкую, прожигающую в самую душу фразочку, про лицемерие современного общества.

День начался слишком рано, целую ночь бедная Ханночка не спала от перевозбуждения и ожидания нового дня из раза в раз прокручивая этот день и доводя его до идеала!

Первым делом она поймала маршрутку и разглядывая, на её удивление, живущий город проехала до парка. Редко она бывает в Западном Парке Коула, хоть он и ближе всего к её школе. Наверное в этом и кроется причина, слишком много перспектив встретить знакомую рожу, а если она ещё и решит заговорить с ней – весь день будет испорчен. Но не сегодня, раннее утро, солнце только вышло из-за горизонта и стремится ввысь, словно Икар, обречённый достигнув зенита пасть во тьму, чтобы сиять на другой половине синего шарика в необъятной бесконечности.

– Солнце не романтично. – В нос заявила она и посмотрев на соседнее сидение поймала на себе взгляд одиноко сидящей девочки, годами едва за одиннадцать. – Верно?

– Солнце рано или поздно погаснет, в этом вся романтика.

– И это верно, Эмма. – Продолжила в нос она и отвернулась от светила.

Парк как обычно знаменовался вывеской «Центральный парк», как власти могли додуматься оставить её? Деревья благоухали, утренний лёгкий моросит окропил воздух свежестью, вдохновив природу на приятные запахи.

– Жаль, что небо перестало плакать.

Подняв лицо к небу и налюбовавшись облаками Ханна

дошла до главной площади, во главе которой стояла та самая статуя: Бенджамин Родина, гениальный изобретатель, не предвосхитивший науку будущего, не создавший гениальную теорию, он всего лишь своей «Системой Родина» позволил человечеству развиваться дальше, не переживая за электроэнергию, ведь его изобретение позволило эффективно переводить энергию ядерного синтеза в обычное электричество.

Его статуя была великолепна, жаль, что об этом человеке ещё никто не знал. Всё это будет в будущем, после казни учёного. Сейчас, это место пустовало. Одинокий пьедестал мраморного цвета, с позолоченной табличкой, лишённой Нарисованных Имен и годов жизни. В полном одиночестве, лишённая внимания фигура ждала своего часа, ждала, пока художники создадут статую достойную одного из Парков Коула и воздвигнут её на плечи титана.

Но всё это будет не скоро.

Романтика парка начинала заканчиваться, людей в него приходило всё больше, не смотря на будний день и Ханна теряла эту особую связь между гуляющим и парком, между человеком и Божеством, существом и тульпой. Парк отвлекался на новых людей, заряжая их своей атмосферой, наполняя их души и воздействие переставало давать эйфорический эффект как раньше – доза маловата.

Сев на ближайшую лавку, Ханна открыла свой дневник и стала потихоньку царапать страницы ручкой. Заполнив пару

строк она прикурила сигарету. Рук писать не осталось и пришлось сложить блокнот обратно в рюкзак, начав наслаждаться природой. С каждым новым клубом дыма ей казалось, что она становится ближе с природой, что птичье пение становится громче, гул веток сильнее и вот-вот и ей получится разгадать новый язык и поговорить с гигантами, держащими своими корнями весь мир, но мимо прошла милая парочка, ему за двадцать и она явно не ушла от него далеко. Хотя возраст она никогда не умела определять.

Их вид, их воркование, побудило нашу героиню выбросить окурок и продолжить писать...

Долгое время она просидела на той лавке. Её внимание зависло на самой первой страничке, где она, по традиции вынесла цели на год и не беря во внимание первую: «Сделать социальную революцию, отменив понятие Общества!», она смогла вычеркнуть лишь пять из десяти реалистичных пунктов. Одним из выполненных было дожить до дня рождения, а втором – не поссориться с Риди.

– Какая я жалкая. – С тяжёлым вздохом сказала она. – Я год назад была куда амбициознее. Я старею.

Закрыв дневник она пошла вон из парка.

По пути Ханна заскочила в магазин и направилась прямо к дому человека, который уже больше десяти раз пытался дозвониться до неё, единственный человек пытающийся поздравить её и чьё поздравление наша героиня ждала всем сердцем.

Постучав в дверь, она одела улыбку, в ожидании встречи. Дверь отпёрлась и с проёма на Ханну начал смотреть худощавый, ростом на пару сантиметров выше нашей героини, а в ней и сейчас ростом не особо, а в шестнадцать лет было и то меньше, парень. С короткой причёской и кажется обиженной рожей.

– Привет. – Начал он первым.

Ханна в недоумении перевернула улыбку, свела брови ближе друг к другу и свернула губы, но потом овладела собой и вновь улыбнулась.

– Риди, улыбайся. Людям нет дела до твоих проблем! – Ханна часто в том возрасте это повторяла, не всегда уместно. – Я принесла Виски, дорогой.

– Дороговизна определяется не ценником, а тем, чем ты пожертвовал ради предмета. Не ты ли мне об этом говорила?

– Ладно-ладно. Ты прав. – Она завила руки за спину, скорчила виновное личико и начав втирать носок одной из ног в пол продолжила: – Признаю, я была не права что сбрасывала твои звонки. Но вернув время назад, я бы всё повторила. Я хотела провести начало этого дня одна, в парке.

– На утесе?

– Нет. – Ханна вновь выпрямилась. – Я была в Западном.

Риди улыбнулся.

– Заходи.

Сквозь зелёные рулоны на окнах в комнату пробивался

до жути приятный свет, только ради этого освещения Ханна могла бы приходить сюда каждый день. Она знала эту квартиру и сразу подметила одну, лежащую на самом видном месте, на столе, деталь – красный подарок, обёрнутый розовой лентой. Размером он был небольшим и Ханне сразу захотелось тронуть его, потрясти, открыть, но она сдержалась. Наша героиня подошла к нему и стала пристально смотреть в глубь, прожигая картон:

– Я же просила, без подарков. – Недовольно фыркнула она.

– Хан, ты любишь символизм. А подарок – символ внимания. Я не мог оставить тебя без него. Не волнуйся, там нет чего-то, что я бы мог купить в магазине.

– Я же просила, без подарков. – Повторила она.

Риди подошёл и стащил коробочку со стола.

– Ок, теперь его нет. Довольна?

Ханна улыбнулась и сделав небольшой реверанс села за стол, положив бутылку виски.

– Что это?

Риди сел напротив неё.

– Мне сегодня шестнадцать. – Ханна осмотрела кухню на предмет бокалов. – Думаю это повод для празднования. – Пока её собеседник доставал и мыл бокалы Ханна решила закурить, но как обычно не успела, Риди крикнул на неё. – Прости, – Искренне ответила она.

Ханна дождалась бокалов. Риди наполнил немного их и

они опрокинули по рюмке.

– И как тебе? – Спросил он.

– Как виски. Я такой уже пила.

– А почему тогда принесла его, а не что-то другое?

– Подумала, что на свой День Рождения, – Она осеклась, чтобы разделить эти термины, – На своё шестнадцатилетие, я хочу именно его.

– Помнишь, как мы праздновали твои пятнадцать?

– Да, помню. Почему нас с того ресторана выгнали?

– Ты упорно хотела чтобы нам принесли вина, а они требовали твой паспорт. Хотя думаю во всём виновен твой характер.

– Я наверное слишком много пью. – Ханна подвинула свой бокал к бутылке. – Хотя, только по праздникам.

– Да, Хан, у тебя проблемы, но... я не разу не видел тебя пьяной. А вот с курением...

– Риди, красная линия. – Серьёзным, на пару тоном ниже сказала она. Сменив настрой продолжила: – Может сегодня увидишь. – Снова кокетничала она.

Риди открыл холодильник и достал оттуда немного сыра, став его нарезать.

– Можно мне будет у вас переночевать?

– Можешь о таком даже не спрашивать. – Ответил Риди.

– Почему вы с мамой ко мне так добры? Это же не из-за денег.

Риди бросил на неё взгляд и снова продолжил орудовать

НОЖОМ.

– Сама не знаешь? – Он подождал, но ответа не услышал. – Встречаю я, девчонку на четыре года меня младше, всю в крови... – Он вернулся за стол и наша героиня сразу набросилась на тарелку с сыром. – Предлагаю ей помощи, а эта двенадцатилетка отказывается. Надавливаю и она снова в отрез, а на вопрос о том где её родители получаю слёзную историю. Мама, услышав её аж расплакалась, но она уж очень впечатлительная. – Ханна опустошила бокал сама. – Думаешь я или она могли бы после этого бросить тебя?

– Люди злые. Могли легко, но не стали.

Риди опрокинул стакан.

– А на счёт денег... – Он немного замялся. – Не хотел об этом на твоём празднике, но завтра уже может быть поздно...

– Риди, – Ханна поспешила остановить его. – Не смей продолжать, берите сколько угодно. Мне всё равно.

– Нужно всего-то тысяча Коулов.

– Чёрт. – Ханна обыскала карманы. – Я пустая. Чёрт! Я так не хотела идти туда.

– Можем завтра с утра сходить. – Поддержал её он.

– Чёрт! – В комнате ненадолго повисло молчание. – Ладно, ничего. Вернусь в отчий дом, больше месяца там не была. – Ханна перевернула пустой бокал на стол. – Продлю своё сознательное празднование ещё на пару часов. – Радостно, но с явной наигранностью заявила она.

Риди подтолкнул Ханну стоящую уже десятую минуту перед дверью дома.

– Ты знаешь, что мне сложно туда заходить... – Её голос бегал с тона на тон, а тело дрожало. – Там она!

– Её там нет.

– Ты понял о чём я! – Возмутилась наша героиня.

– А ты поняла о чём я. – Риди стал смотреть на неё как на дуру. Ханна засмузилась и отвела взгляд. Замялась. Сжала кулачки и отворила дверь. – Её там нет, это лишь плод твоего сознания, как и Эмма. Она сейчас тут?

Но ответа не последовало, Ханна крепко зажала руками глаза и пробежала мимо кухни, спрятавшись на втором этаже. Риди начал активно топтать снизу, наша героиня ждала его, но с каждым новым шагом её терпение таяло.

– Где ты!!? – Во весь голос крикнула она.

– Иду! – Ответил он.

Вскоре Риди поднялся по лестнице, на вершине которой и сидела именинница. В руках он нёс две чашки чая.

– Ты я вижу не спешил.

Риди поставил кружки на пол и подал руку подруге.

– Пошли.

– Нет, нет! Нет! – Воспротивилась и подпрыгнула с места она. – За деньгами и прочь от сюда!

Риди смерил её взглядом, не сменяя позы. Ханна сначала сопротивлялась протянутой руке, но вскоре сдалась и по-

ложила свою ладонь на его. С каждым новым шагом вниз её веки всё сильнее смыкались, пытаясь задержать каждый квант света. Спустившись она попыталась вырваться из рук мучителя, но тот не отпустил её и продолжил вести на кухню. Ханна закрыла глаза свободной ладонью.

Остановившись они не промолвились ни словом. Друг отпустил Ханну и та упала, оперевшись спиной о стену. Она не могла даже двинуться.

– Хан, открой глаза.

– Нет!

– Даю тебе слово, ты не рядом с ней, ты её не увидишь. – Что-то в его тоне было такое, что моментально сняло всю панику на душе нашей героини. – Вот. – Он не соврал. – Ты мне не ответила: Эмма здесь? – Ханна нехотя кивнула ему. – Я видел, у вас небольшой алтарь, твоя семья исповедовала что-то вроде Синтоизма?

– Нет, у нас была своя, локальная религия. – Ответила глубоко дышащая девочка. – Без богов, загробного мира... Родители считали, что души всех предков живут пока о них есть память и на таких алтарях всегда висело семейное древо, а по праздникам мы зажигали свечи и ставили перед всеми почившими родственниками, чтобы они смогли ощутить семейное тепло.

– Почему ты мне об этом раньше не рассказывала?

– Это всё – ложь. От того, что я думаю, что моя мать смотрит на меня с того мира – она не воскреснет и смысла в этом

нет никого! Я даже не знаю её сейчас... Я знаю, как она выглядит, знаю черты её лицо, у меня даже с собой фотография... Но я не знаю... – Она остановилась на попытку сдержать слезу, но потом сдалась. – Я не помню, какая она была как человек! Я не знаю, одобрила бы она мой образ жизни, поняла бы меня или осудила. Я не знаю какой она была бы матерью, хорошей или плохой, я ничего о ней не знаю!

Риди подсел поближе к ней и попробовал утешительно обнять, но Ханна отскочила от него.

– Зачем ты меня сюда привёл?

Риди подошёл к вазе и поставил её на стол.

– Думал, что ты бы могла принести цветов, чтобы подружиться со своими призраками, но теперь есть вариант лучше.

– Я не буду ставить ей свечу! Нет! Нет! – Ханна снова бросилась наверх.

Риди неспеша поднялся к подруге, она снова сидела на последней ступеньке. В руках её лежала та самая кружка чая, она пыталась его остудить своим дыханием и ладонями, обхватив кружку со всех сторон.

– Твоя взяла. – Уступил Риди.

– Спасибо! – Фыркнула наша героиня и пошла дальше, в родительскую комнату.

Пока наша героиня открывала сейф – она мысленно залетала в детскую комнату: вызывая в своей голове образы фотографий семьи, ведь собственных воспоминаний у неё не

осталось. Услышав финальный щелчок она наполнила свой кошелёк, отложив десять купюр и провернула все операции с сейфом в обратном порядке.

– Вот. – Она от всей души, но немного неловкой протянула грязные бумажки Риди. – Можем уходить.

Ханна двинулась в сторону улицы, но не прошла дальше двери, её голова не могла оторваться от желтовато-розовых обоев её детской.

– Хан, – Привлёл её внимание Риди. – У меня тебе подарок.

– Не нужно! Серьёзно, я не хочу получать подарок. Это... Это... не по мне. – Он всегда понимал её тон правильно.

– Ладно, идём обратно?

Ханна немного покрутила головой прежде чем ответить:

– Наверное, иди сам. – Она прижала подбородок к груди и виноватой гримасой, с улыбкой на одну сторону и грустью на другую продолжила: – Хочу побыть в своей комнате.

Риди коснулся её плеча и ни сказав ни слова вышел, обронив за собой подарок. Ханна крикнула ему об этом, но тот намеренно проигнорировал её слова, сбегав по лестнице вниз.

– Гад!

Подняв его и бросив в карман наша героиня прошла в комнату. Давно она не заходила сюда. Тут всегда играла Эмма, с пластырем на лбу, не смотря на свои одиннадцать лет и на то, что они обе считали себя взрослыми они до жути лю-

били играть в куклы. Уже пять лет, без двух месяцев, они лежат не тронутыми. Комната покрылась слоем пыли, а грязная посуда по углам – засохшей плесенью. Не смотря на всю грязь запаха не было никакого. Все частички уже давно лежали на своих местах, не позволяя себе подниматься к носу посетителя.

– Прости меня, Эмма. – Тихонько сказала наша героиня, присев перед беспечной девочкой снимающей и одевающей очередную кофточку и стараясь подобрать под неё джинсы с кроссовками. – Прости,

Девочка наконец оторвала свои глаза и подняла их на нарушительницу спокойствия:

– Привет, а ты не видела Ханну? Мы с ней тут играли.

– Нет.

– А когда она прейдёт?

– Не знаю. – Ответила наша героиня. – Когда в её жизни снова будет очень сложный период и рядом не окажется демонёнка. – Ханна не стала мне объяснять к чему это было. – Прости меня.

– Конечно! Ты мне ничего не сделала. – Улыбчиво и с лёгкой детской наивностью ответила девочка.

– Сделала. – Ответила ей Ханна и сняла заплатку, оголив пулевое ранение. – Я буду жалеть об этом всю свою жизнь.

– О чём? О чём ты будешь жалеть?

– Прости меня, ведь себя я никогда не прощу.

– Ладно, я наверное пойду домой, ты не предупредишь

Ханну.

– Не волнуйся, я ей всё расскажу.

– Ладно!

Эмма встала с коленок и бросилась вон из комнаты.

Ханна обернулась назад и увидела другую Эмму, она отличалась не только цельным черепом, без лишних дырок, но и глазами, в них отсутствовала жизнь, у неё были глаза взрослого человека.

– Она мне никогда не нравилась.

– Ты – это и есть она.

– Ты знаешь, что это ложь.

– Знаю. – Ответила Ханна.

Выгнав призраки прошлого наша героиня наконец осталась одна. По ней нельзя было разглядеть ни эмоции, она подавляла любые их проявления даже на едине с собой, но в глубине её разрывало. Не прошло и секунды в тишине, как она выбежала прочь из этого места, заперев за собой дверь.

Отдышавшись и сконцентрировав всё своё внимание на поиске чего-то красного вокруг себя и найдя блеклый диод на включателе света она потянулась к дневнику, но вместо блокнота нащупала подарок и наплевав на всё открыла его, погрузившись в одно из самых тёплых своих воспоминаний:

“Холодным декабрьским вечером у двенадцатилетней нашей героини было очень плохое настроение. Она мне очень мало рассказала про это воспоминание, но рассказ этот был самым тёплым из всех её историй, обычно пронизанных тле-

ном. Она вела повествование с лёгкой улыбкой счастливого человека, ей было очень приятно её рассказывать, но детали она скрывала.

“– Как и всё в нашем мире – эмоции тоже взрываются, вернее выплёскиваются! Достаточно копить их в себе и рано или поздно произойдёт бабах!”

Так и случилось. В порыве эмоций, сама того не осознавая Ханночка оказалась посреди осколков стекла, у выбитой витрины магазинчика, она даже не помнит что там продавали. Её тело просто подняло камень из-под ног и не переживая ни за себя, ни за окружение бросило булыжник.

“– Как же люди кричали вокруг. Сначала из-за стекла, потом из-за крови, которая потихоньку стала захватывать всю мою белоснежную одежду. Текло отовсюду: со лба, с затылка, с рук, с ног, с ладони... я вся истекала кровью. А главное – боли не было. Было чувство освобождения и спокойствия. Вокруг абсолютного ужаса, ругани, криков, осколков и крови стояла одна печальная девочка с улыбкой прозревшего пророка в миг получившего всё счастье мира.”

Но всё быстро закончилось. К ней подбежала толпа, звали скорую и мимо всего этого цирка проходил и Риди, ему тогда едва шестнадцать исполнилось. Он пробился и увидев, что измученную Ханну держат на месте, не давая сбежать из рук взрослых. Она пыталась вырваться, но люди заставляли её ждать скорую помощь.

Риди спас её, дав пожить ещё чуть меньше полугода на

свободе и отсрочить тот период её жизни о котором она никогда, даже с ним не вспоминала; её возвращение в школу. Риди представился её старшим братом и обессиленную вывел подальше от толпы. Её тогда уже успели всю перебинтовать и как вспоминает Риди – она выглядела как мумия. Он ей даже кличку такую дал, но она не прижилась. Риди хотел её отдать к подъехавшей скорой помощи, но Ханна просила, даже молила не делать этого не объясняя причину. Он начал расспрашивать её и в итоге понёс домой, где его мама, медсестра привела нашу героиню в порядок, достав из неё множество мелких осколков стекла и один большой, с ладони.”

Перед Ханной, в коробке лежал именно он, сохранивший в голове двух человек память о кровавой девочке без родителей.

Потратив мгновение на воспоминание Ханна бросилась к лестнице, стараясь не потерять скорость и не покатиться кувырком вниз.

– Риди! – Крикнула она ему в спину, он не успел пройти и двадцати метров от дома. – Стой! – Она виновато сковала свою походку, обхватила кистью предплечье и подошла к брату. – Спасибо за подарок. Можно я тебя обниму? – Увидев кивок она обхватила его и сильно сжала стараясь вобрать в себя все их совместные воспоминания. – Я не думала, – Она сильно стеснялась. – Я не думала, что в тот вечер, найду себе семью. – Риди не стал ничего говорить, достаточно было улыбки. – Пошли.

– Куда?

– К алтарю.

Вернувшись в дом Ханна не стала закрывать глаза, она с поднятой грудью и лёгком трепетом прошла к месту убийства, к месту, с которого начался её путь, изменивший одиннадцатилетнюю девочку навсегда. К её счастью, или разочарованию, на полу больше не было растекающийся лужи крови и не было трупа, изрешечённого пулями – там не было ничего.

Поймав взгляд Ханны Риди понял, что теперь в этом доме нет мертвецов.

Выйдя в прихожую, Ханна полезла в сервант, в кладовую, в пенал, но никак не могла найти свечу, Риди помог ей и общими усилиями они нашли одну, последнюю и очень толстую. Они всегда у них горели целую ночь.

Пока Риди искал тарелку Ханна приводила алтарь в порядок, протирала его от пыли, поправляла имена, расставляла артефакты покрасивее, наводила приятную для глаз картину.

Наконец объявился Риди, Ханна поставила свечу на стеклянную подставку.

– Пора зажигать?

– Нет, нужно в слух прочесть каждое имя мертвеца записанное на этом зеркале. Так призраки обращают на тебя внимание и приходят на семейный праздник.

– Ты прочтёшь?

– Постой. – Ханна достала чёрный маркер и рядом со своим именем вписала ещё одно, а над ним ещё одно. – Прости, я не знаю имени твоего отца.

Риди улыбнулся и перехватил маркер в свои руки.

Ханна подожгла свечу, прикурила от её пламени и втянув в себя клуб дыма стала читать имена своих прапрапра...дедов и бабок, читать имена прапратётъ и дядь... пока не дошла до имени своей матери.

Закончив и отойдя на пару шагов назад она посмотрела на Риди и тот положил свою руку ей на плечо. Ханна больше не сказала ни слова, но как Риди потом вспоминал: “– Дух твоей матери точно понял по твоему лицу, что у тебя всё хорошо.”

Выйдя из дома она посмотрела на своего брата и отправилась праздновать свой День Рождения в кругу близких людей.

Ханна не любит распространяться о своём прошлом, я мало что о ней знаю, возможность услышать предысторию печального человека выпадает лишь в её, или мои эмоциональные пики, когда она больше не может молчать и желает подарить мне какой-то материнский урок. Из неё получается отвратительная мать, но прекрасная тётя.

Однажды я соберу все её историю, запишу их и подарю томик, в котором будет записана история её жизни. Она разозлится на меня, она не любит такое, но потом, я предложу

ей кое-что, и она меня простит: мы закопаем эту книгу глубоко под землю, в пластиковой коробке и через много лет, какой-то растяпа раскопает её, может это будет уже новое столетие, может даже тысячелетие и люди узнают о истории Ханны Хофман.